

Die Entwicklung und Schwund der postpositionalen Lokalkasus im Ostbaltischen ist als ein syntaktischer Prozess des Ersetzens der postpositionalen durch die präpositionalen Konstruktionen aufgefasst. Der stimmulierende Einfluss der ostseefinnischen Sprachen kann nur für die Periode der Morphologisierung der einzelnen Lokalkasus und der Agglutination der Postpositionen angenommen werden.

ВКЛАД РОДСТВЕННЫХ БАЛТИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК (по топонимическим данным)

А. Ванас (Вильнюс)

В своем развитии литовский язык претерпел влияние родственных балтийских диалектов, ареалы которых в той или иной степени покрываются территорией современного литовского этноса. Это влияние достаточно отчетливо проявляется и на онимическом, и особенно на топонимическом уровнях. Примечательно, что некоторые топонимические элементы исчезнувших в XIII—XIV вв. балтийских диалектов влились в литовский язык, сохраняя черты, которые несвойственны литовскому языку, напр.: наличие согласных *z*, *s* вместо *ž*, *š* (*Ažāgis*, *Zēlvė*, *Zalūlis*; *Kirsnā*, *Apsingė*, *Āpusinas*, *Lūkstas*), сохранение тавтосиллабического *n* в некоторых западножемайтских диалектах (*Tėnžė*, *Rānžė*, *Impiltis* <**Impiltis*), респект балтийского дифтонга *ei* вместо *ie* (*Léipalingis*, *Veisiėjis*, *Sėivės*) и др. Топонимы, имеющие такие особенности, вошли в систему литовского языка сравнительно поздно, можно сказать, механически, до сих пор оставаясь лингвистически обособленными ее элементами.

Степень и объем вклада других балтийских диалектов в литовский язык в настоящее время могут быть выявлены только предварительно. Что же касается топонимии, то на сей день уже известно несколько десятков топонимов, имеющих фонетические, морфологические, лексические черты, более характерные для других балтийских диалектов, чем для литовского языка. Эти топонимы подразделяются на южные (связываемые с ятвяжским), северо-восточные (связываемые с селонским), средне-северо-литовские (связываемые с жемгальским) и северо-западные (связываемые с куршским диалектом).

Южные (прелиминарно соотносимые с ятвягами): 1. Словообразовательные: топонимы с ударяемым окончанием *-ūs* и, частично, с суффиксами *-ingė*, *-ingis*; непопулярность гидронимов с суффиксами *-ausis*, *-eta*, *-etas*, *-ina*, *-inas*, *-ain-*, *-(m)en*. 2. Фонетические: а) с согласным *s* вместо *š* (*Kirsnā*, *Saknā*, *Sāknas*, *Serwy*, *Pėrsas*, *Veisiėjis*, *Apsingė*, *Apsingis*, *Apsuonā*, *Slīminas*, *Svetūs*); б) с согласным *z* вместо *ž* (*Ažāgis*, *Bėrznykas*, *Зельва*, *Зебрь*, *Злина*, *Jiėžnas*, *Zapsys*, *Zėbrys*, *Zėbriūs*, *Zėrvylis*, *Zėrvyna*, *Zėrvynas*, *Zėrvynos*, *Zuokas*, *Gaižiāknis*, *Pėzėlvė*, *Pramežys*, *Zaizdrauka*, *Zāmbė*, *Zėbrėnai*, *Zėlva*, *Zėlvė*); в) с дифтонгом *ei* вместо *ie* (*Léipalingis*, *Veisiėjis*, *Deivōniškiai*, *Sėivės*). 3. Лексические: *Gālintas*, *Gāiliekas* (пр. *gaylis* 'белый'), *Kirsnā* (пр. *kirsnan* 'черный'), *Lindė* (пр. *lindan* 'долина'), *Palvė* (пр. *palwe* 'пущина

пущина, моховое болото без деревьев, боровые пески'), *Pentā* (пр. *pintis*, *pentes* 'дорога'), *Sasnā* (пр. *sasnis* 'заяц'), *Sperniā* (пр. *sparyus* 'луг, пастбище'), *Stabingis* (пр. *stabis* 'камень').

Северо-восточные (прелиминарно соотносимые с селонами):

1. Словообразовательные: гидронимы с суффиксами *-asa*, *-esa*, *-asas*, *-esas*, *-aja*, *-ykštis*, *-ėta*, *-ėtas* и, частично, *-intas*; непопулярность гидронимов с суффиксами *-učia*, *-ija*. 2. Фонетические: а) с согласным *s* вместо *š* (*Āpsas*, *Silyina*, *Sirvėta*, *Sirvėtas*); б) с согласным *z* вместо *ž* (*Azarinā*, *Erzvėta*, *Erzvėtas*, *Izėtas*, *Jūzintas* (в настоящее время *Jūzintas*), *Keizaras*, *Ūzinas*, *Vazajā*, *Vāzajis*, *Zaduojys*, *Zalūlis*, *Zalvas*, *Zalvė*, *Zalvėlis*, *Zalvys*, *Zarasaĩ*, *Zasinytis*, *Zasinųčiai*, *Zasinytė*, *Zėmdaga*, *Zirnajys*, *Zizdrā*, *Zuntė*); в) с аффрикатами *c(ć)*, *dz* вместо мягких согласных *k'*, *g'* (*Dzirnyte*, *Dzirny ēžeras*, *Cėdasas*, *Cėrc-upys*, *Čiāunas*, *Či-čirys*, *Čivyliai*, *Cinaitės*, *Čyviškiai*, *Viculėlis*). 3. Лексические: *Ais-purvė*, *Aūslas*, *Cāplio kalnėlis*, *Cūku grāvis*, *Bėdrės*, *Bėdros*, *Driņgis*, *Dūkštas*, *Kėvės Dūkšta*, *Dūkštėlis*, *Dūkštā*, *Dukstynā*, *Dūkštā*, *Duōrupis*, *Duōrpis*, *Gariavā*, *Glaužinys*, *Glizdiniai*, *Guopys*, *Lešk-upys*, *Lėvuō*, *Maguilis*, *Rovėjā*, *Tūolas*, *Vāsaknas*) [1, p. 155].

Средне-северные (прелиминарно соотносимые с жемгалами):

1. Словообразовательные: судя в основном по историческим записям — это гидронимы с суффиксом *-ava* [2, p. 254]; непопулярность гидронимов с суффиксами *-auja*, *-(i)ot-*, *-ng-*. 2. Фонетические: а) с согласным *s* вместо *š* (*Svidikynė*, *Svėtimai*, *Sviřkalis*) [3, p. 28]; б) с согласным *z* вместо *ž* (известны только исторические записи топонимов, где вместо *ž* выступает *z*) [2, p. 253]; в) анаптаксис: *Skarūdžiūs* (<*Skařdžiūs*) и, возможно, *Šiladis* (<**Sildis*), ср. эст. *sild* 'мост' [4, p. 263]. 3. Лексические: *Bėdrė*, *Cėplius*, *Cikstė*, *Drukys*, *Dūblis*, *Gruōtė*, *Krūoja*, *Ruōtis*, *Vegerė* [1, p. 155].

Западные (прелиминарно соотносимые с куршами): 1. Словообразовательные: гидронимы с суффиксами *-alė*, *-alis*; непопулярность гидронимов с суффиксами *-aitė*, *-aitis*, *-ėlė*, *-ėlis* [5, p. 284]. 2. Фонетические: а) с согласным *s* вместо *š* (*Āpusinas*, *Lūkstas*, *Svėncelė*); б) с согласным *z* вместо *ž* (*Ūzlės*, *Zabikai*, *Zirgo rāgas*, *Zvizdrālės*, *Zvizdrė*, *Zvizdrynė*); в) с согласным *c(ć)* вместо мягкого *k'* (*Cėdvė*, *Cėrto kálnas*). 3. Лексические: *Alangā*, *Alaukstis*, *Blākė*, *Blidakė*, *Burkālė*, *Damašā*, *Dūkšmė*, *Gātė*, *Gātupis*, *Gliviā* (ср. лтш. *glīve* 'слизь'), *Grūva*, *Kalčiā*, *Kaltis*, *Kerbėsas*, *Kėvė*, *Kniāvas*, *Kniāvasis*, *Krūn-upis*, *Kulkā*, *Kuōpis*, *Lamsōčiai*, *Liuvynas*, *Lūkainis*, *Miklinys*, *Pluņkė*, *Rāžė*, *Reņgė* (ср. лтш. *reņge* 'рыба, салака'), *Sārķainis*, *Tamšā* [1, p. 155].

Субстратных топонимов, сохранивших особенности исчезнувших балтийских диалектов, в литовском языке в настоящее время мало, да и к тому же часть из них почти не маркирована в ареальном отношении. Например, известно, что все исчезнувшие балтийские диалекты — ятвяжский, селонский, жемгальский, куршский — вместо лит. *ž*, *š* имели *z*, *s*. Это значит, что при отнесении топонимов, имеющих *z*, *s* вместо *ž*, *š*, к селонскому или жемгальскому, к жемгальскому или куршскому и т. п. приходится руководствоваться не самыми этими

топонимами, а свидетельствами исторических документов, данными других отраслей науки о бывших территориях того или другого исчезнувшего балтийского диалекта. Для уточнения ареалов исчезнувших балтийских диалектов иногда мало что дают и лексические диалектизмы. Например, топонимы с *vepr-* (литш. *vepris* 'дикий кабан') встречаются и в южной (*Vėprynas* – оз. Вейсейя), и в западной (*Veprai* – часть деревни в районе Шилуте), и в восточной (*Vėpriai* – городок в районе Укмерге), и в северной (*Veprys* – оз. Антазаве, *Vėpriškės* – луг, Пампенай) Литве. Топонимы с *dūkšt-, dūkst-, dukst-* (литш. *dūksts* 'болото') отмечены также в северной (*Kėvės Dūksta* – б. Нямунелė – Радвилишкис), северо-восточной (*Dūkštas* – оз. Дукштас), восточной (*Dūkštėlis* – оз. Реше, *Dūkštà* – р. Майшягала, *Dukstynà* – р. Укмерге) и западной (*Dūksta* – оз. Куртувенай) Литве. Примерно такая же картина и с топонимами, имеющими корень *liel-* (литш. *liēls* 'большой'). Гидроним *Kirsnà* (Калвария), К. Бугой отнесенный к ятвяжскому, потому что объясняется из древнепрусского языка (пр. *kirsnan* 'черный'), по сути дела субстратным может считаться в основном ввиду своей фонетики (согласный *s* и, возможно, отсутствие вставного *k*). В лексическом же аспекте он входит в ареал литовских гидронимов *Kirkšnīs* – Ретавас (со вставным *k*), *Kirkšnūpis* – Плунге, *Kirkšnóvė* – Бятигала и т.д.

Эти и другие примеры показывают, что отнесение некоторых топонимов к числу субстратных весьма условно. Более того, они по сути дела приобретают противоположный смысл – служат не разъединяющими, а объединяющими элементами всего топонимического ландшафта Литвы и топонимии Литвы с топонимией соседних балтийских территорий. Эти топонимы в действительности являются просто балтийскими. Тот факт, что их анализ на почве какого-нибудь одного балтийского диалекта представляется затруднительным или даже вообще невозможным, не противоречит такому предположению. Видимо, в данных случаях имеем дело с весьма распространенным явлением, когда апеллятив, давший начало гидрониму, в конкретном балтийском диалекте исчезает или сильно меняет свое значение. Из более убедительных примеров приведем еще несколько.

На территории бывшей Восточной Пруссии (в окрестностях города Исрутис) течет река, носящая название *Pisa*. Этот потамоним имеет соответствия в древнепрусской гидронимии, ср. пр. *Pissa* оз., *Pisse* оз. и др. Ключ к этимологии этих гидронимов, оказывается, лежит не в западнобалтийских диалектах, а в латышском языке, где до сих пор сохранился физиографический термин *pisa* 'топкое болото, трясына; непроходимый лес'. Что данное сопоставление вполне обосновано, показывает, напр., др.-гр. *πῖσα* 'влажное место, луга', франк. *pisa* 'болотистые, влажные луга' и т. п.

В южной Литве (в окрестностях Даугай) одно озеро носит название *Máinia*. Это название не имеет апеллятивных соответствий ни в литовском, ни в древнепрусском языках. И только латышский апеллятив *maīna* 'болото' полностью раскрывает этимологию и первичное значе-

ние лимнонима *Máinia*. Видимо, это очень архаичный гидроним, имеющий параллели и в гидронимической (ср. нем. *Main*), и в апеллятивной (ср. др.-ирл. *māin* 'болото, трясына, торфяник') лексике других индоевропейских языков.

Это два примера, когда гидронимы из южной Литвы или бывшей Восточной Пруссии этимологизируются на почве северного балтийского языка – латышского.

Известны и иные случаи, когда, наоборот, гидронимы северной Литвы объясняются только на материале древнепрусского (или исчезнувшего ятвяжского) языка. Приведем несколько примеров.

В средней части северной Литвы известен потамоним *Dābikinė* (прит. р. Вента). Несмотря на „северное“ положение данного гидронима, его этимология кроется „на юге“, а именно, в прусском языке (ср. пр. *debica, debican* 'большой'). Аналогичный случай представляет и потамоним средней части Литвы (окрестности Гуджюнай) *Stābė*, который может этимологизироваться только при сравнении его с пр. *stabis* 'камень'. Таким же способом объясняется и происхождение названия реки северной Литвы (окрестности Пумпенай) *Laīdė* – ср. пр. *laydis* 'глина'. Не исключено, что к этой группе следует отнести и название небольшого ручья в окрестностях Круопяй *Sasnapis*. Это сложный потамоним: *Sasn-apis*. Возможно, что *sasn-* следует связывать с лит. *Sasnà* (см. выше) и пр. *sasnis* 'заяц', а *-apis* – с пр. *ape* 'река'. Это предположение кажется достаточно обоснованным и потому, что река *Sasnapis* является притоком реки *Dābikinė*. Название последней сопоставимо с пр. *debica, debican* 'большой'.

Скопление нескольких гидронимов, имеющих признаки западнобалтийских языков, в средней части Северной Литвы, видимо, не случайно. Но интерпретация этого явления чрезвычайно сложна. Можно было бы предполагать, что эти гидронимы являются результатом сравнительно поздних (начала II тысячелетия н. э.) миграционных процессов балтийских племен. Но, на наш взгляд, более правдоподобным было бы отнесение этих гидронимов к куршскому или жемгальскому субстрату. В таком случае было бы налицо еще одно подтверждение гипотезы В. Мажюлиса о западнобалтийском облике исчезнувших куршского и жемгальского языков.

Из всего сказанного следует, что в прошлом, в период формирования литовской гидронимии и некоторых других пластов топонимии, степень диалектной дифференциации языковой почвы, на которой выросли современные водные и другие географические названия, не могла быть значительной. Результаты анализа литовской гидронимии (и некоторых других пластов топонимии), пожалуй, наиболее плодотворно могут быть использованы при решении этногенетических проблем территории современной Литвы именно в этом смысле. Что же касается вопроса о бывших территориях исчезнувших диалектов, то для его решения современная литовская топонимия имеет ограниченное значение.

Субстратные топонимы следует отличать от тех, которые своим

появлением на современных территориях, где обитают литовцы, обязаны более поздним переселенческим (подчас насильственным) или другим процессам в жизни балтийских племен. Так, уже сейчас почти установлено, что в окрестностях Пялясы в исторические времена переселилось определенное количество представителей прусского племени — скалвы и барты [6, С. 83—89; 7, с. 181—191]. Не исключена возможность переселения западнобалтийского этнического элемента в окрестности Смялишкес (Тракайский р-н). В последнее время обращено внимание на наличие отэтнонимических топонимов западнобалтийского характера в западной Латвии: *Sudi, Zudavi, Semba, Zemba* [8, л. 10], *Semben* [9, л. 163—164] и др. Появление таких топонимов прежде всего, видимо, следует связывать с миграцией пруссов, ятвягов и т. д. после их поражений в XIII в. или позже. С другой стороны, возможно, что появление этих отэтнонимических топонимов следует отнести и к более ранним векам — приблизительно к V. В связи с наличием отэтнонимических топонимов в Курземе следует обратить внимание и на некоторые топонимы Литвы, имеющие признаки западнобалтийских языков. Это в первую очередь название бугорка *Jadzvingų kapai* (близ Куртувеней), первое слово которого, очевидно, происходит от этнонима *jótvingiai*.

Далее на север, в окрестностях Пашвитинис, вблизи дер. Бучюнай, небольшое поле, вспаханный луг носит название *Sambūtis*. Этот топоним пока этимологии не имеет. Наряду с возможными другими интерпретациями этого топонима есть некоторое основание предполагать его связь с указанными западнолатышскими топонимами *Semba, Zemba* и с этнонимом *sembai* (*Semba* и т. п.). Если это действительно так, то налицо два топонима, происходящие от западнобалтийских этнонимов, что указывает на сравнительно поздний, миграционный их характер. Причины их появления пока не ясны. Возможно, по этим местам проходила волна (или одна из волн) миграции западных балтов на север.

В заключение следует подчеркнуть, что дальнейшие поиски языковых результатов в области исторической ономастики¹ и особенно диалектологии².

ЛИТЕРАТУРА

1. Vanagas A. Lietuvių-latvių hidronimų paralelės ir jų arealas. — LKK, 1977, t. 17.
2. Būga K. Rinktiniai raštai. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961, t. 3.
3. Šliavas J. Nebaigti ieškojimai. — In: Kraštotyra. V., 1969.
4. Šliavas J. Substratas Žemėlio apylinkės vardyne ir tarmėje. — In: Kraštotyra. V., 1970.
5. Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. — V.: Mintis, 1970.

¹См. в первую очередь работу А. П. Непокупного в этом направлении.

²Напр., исследования В. Дамбе, А. Брейдака, Ю. Шляваса по проблеме жемгальского и селонского субстратов в современных литовских диалектах.

6. Ochmański J. Skolwa i Borcie. Zachodniobałtyjskie osadnictwo na Litwie średniowiecznej. — In: Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 4. Historia. Warszawa, 1972.
7. Судник Т. М. К истории языковой ситуации Пялясы. — В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.
8. Balode L. Dažu hipotētisku etnonīmu izplatība Latvijas PSR teritorijā (*zemgaļi, sudavi, sembi*). — In: IV vissavienības konference. Referātu tēzes. Rīgā, 1980.
9. Непокупный А. П. Ятвяги и Латвия. — In: IV vissavienības baltistu konference. Referātu tēzes. Rīgā, 1980.

ELEMENTE DER ANDEREN BALTISCHEN DIALEKTE IM LITAUISCHEN (Untersuchungen anhand von Toponymie)

A. Vanagas

Zusammenfassung

Im vorliegenden Artikel werden die in der litauischen Gegenwartssprache erhalten gebliebenen Toponyme mit den phonetischen, Wortbildungs- und lexikalischen Besonderheiten der verschwundenen baltischen Dialekte, deren Areale mit dem gegenwärtigen Territorium des litauischen Ethnos mehr oder weniger zusammenfallen, untersucht. Diese Ortsnamen werden in Süd-, West-, mittelnördliche sowie nordöstliche eingeteilt und stehen dementsprechend in Beziehung zu den verschwundenen jatvingischen, kurischen, zemgalischen und selischen Idiomen.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИТОВСКИХ ДИАЛЕКТОВ

З. Зинкявичюс (Вильнюс)

Как известно, более или менее устойчивым является лишь письменный язык. Живой разговорный язык таким не бывает, он находится в постоянном движении. Поэтому во всех языках имеются наслоения разной древности. Постоянно происходящие в языке изменения распространяются лишь на определенной территории, и это создает предпосылки для распада языка на диалекты (несмотря на тенденции к интеграции). При классификации диалектов решающими принято считать фонетические изменения, причем со строгим соблюдением иерархии изофонов по древности и той роли, которую они выполняют в языке.

Литовский язык, несмотря на сравнительно небольшую территорию распространения, в диалектологическом отношении является одним из наиболее дифференцированных современных индоевропейских языков. Фонологическая, а особенно фонетическая, система современных литовских диалектов очень сложна. Однако основные изофоны, определяющие современные литовские диалекты, являются сравнительно поздними, возникшими с конца средневековья. Они наглядно представлены на рисунке. Назовем их:

1. Сужение и лабиализация древнелитовских носовых гласных *q, ę* в восточной части Литвы (переход *žąsis, tęsti > žusis, tįsti*) и сохранение их на западе (см. на рис. изофону 1).